

Екатерина Свет
Таня Белкова

КАРДИОЦЕНТР

ЗДОРОВЬЕ СЕРДЦА
БОЛЬШЕ ВОЗМОЖНОСТЕЙ

Мой кардиохирург.
Сердечный ритм

Таня Белкова

**Мой кардиохирург.
Сердечный ритм**

«Автор»

«Автор»

2026

Белкова Т.

Мой кардиохирург. Сердечный ритм / Т. Белкова — «Автор»,
«Автор», 2026

После инсульта отца я принимаю его клинику — вместе с долгами, чужими ультиматумами и хирургом, который с первой встречи считает меня кабинетной девочкой. Богдан Северский привык решать судьбы у операционного стола. Я привыкла не уступать. Теперь, чтобы спасти «Кардио-Сити», нам придется работать плечом к плечу — и держаться друг за друга, когда враги ударят по самому больному. Его руки возвращают к жизни чужие сердца, но свое он запер после гибели невесты. Я боюсь другого: полюбить великого хирурга и стать его тенью, как когда-то моя мама. Только рядом с Богданом уже невозможно притворяться, что между нами лишь работа. На кону клиника, жизни пациентов и любовь, для которой мы оба слишком долго запрещали себе место.

© Белкова Т., 2026

© Автор, 2026

© Автор, 2026

Екатерина Свет

Мой кардиохирург. Сердечный ритм

Мой кардиохирург. Сердечный ритм

Екатерина Свет и Тania Белкова

Глава

1

Пятничные сумерки заливали мой кабинет на пятом этаже «Кардио-Сити» сизым свинцом. За широкими панорамными окнами задышалась в бесконечной пробке осенняя Москва, рассыпая по мокрому асфальту рубиновые огни. А передо мной на дубовом столе лежали тридцать две страницы сводного финансового аудита и страшная выписка из института нейрохирургии. Мой отец, академик Андрей Петрович Лазарев, третью неделю восстанавливался после тяжелого инсульта; после выписки из стационара за ним на даче ухаживала Марфа Васильевна. Еще две недели назад я руководила интервенционными исследованиями в столичном институте, но внезапный удар отца обнажил катастрофу: детище его жизни тонуло в долгах, а векселя на сто двадцать миллионов рублей оказались в руках инвестиционного фонда «Медикал Капитал».

Дверь распахнулась без стука. Игорь Воропаев вошел уверенной хозяйской походкой, бросив на мой стол синюю кожаную папку с золотым тиснением фонда. Его безупречно сшитый серый костюм пах сандалом и холодным, хищным торжеством.

— Ксения Андреевна, добрый вечер. Ваш отец больше никого не спасет, — произнес он, нависая над столом. — Векселя предъявлены к погашению, срок — сорок восемь часов. Либо вы прямо сейчас подписываете цессию и передаете шестой этаж под косметологический центр «Эстетик-Премиум», либо завтра в девять утра здесь работают судебные приставы. И начните с малого: освободите первую гибридную операционную. Через двадцать минут на пандус прибывает кортеж жены девелопера Суходольского на лазерную венэктомию. Ее муж решает вопрос о нашей банковской гарантии.

— Гибридный зал предназначен исключительно для экстренной рентген-хирургии и острых коронарных катастроф, — я поднялась, глядя ему прямо в глаза. Мой темно-синий жакет скрывал напряжение в теле. — Никакой лазерной косметологии в ангиографическом блоке не будет. Заберите бумаги. Моя подпись появится только после официальной ревизии. Охрана, проводите постороннего за турникет.

— Вы играете в смелость, которой у вас нет, — искривил губы Воропаев. — Счета клиники уже заблокированы по требованию обеспечения иска. У вас ноль рублей на расходники. Посмотрим, как вы запоете через полчаса.

Он развернулся на каблуках и вышел. Схватив планшет и служебный бейдж с магнитной полосой генерального директора, я бросилась в финансовую службу. Финдиректор Инна Кострова в шелковой блузке цвета слоновой кости нервно перебирала связку электронных токенов на шее, спешно захлопнув крышку ноутбука.

— Почему заблокированы счета экстренной хирургии, Инна Сергеевна? — я положила ладонь на ее стол. — Нам нужно подтвердить клиринговый платеж по лизингу ангиографа.

— Сбой в казначействе, Ксения Андреевна, — защебетала она с фальшивым сочувствием, пряча глаза. — Ошибка межбанковского шлюза, ордера зависли до понедельника.

— Сбой не генерирует код банковского инкассо ноль сорок ноль один ноль шестьдесят, — я развернула к ней экран планшета с резервным протоколом транзакций. — Вы лично отозвали платежные поручения двадцать минут назад и перевели аванс клинике Воропаева «Эстетик-Премиум» под видом субаренды оборудования. Вы работаете на рейдеров, Инна.

Ваше право первой подписи аннулировано моим директорским акцептом. Сдайте Рутокен и покиньте клинику.

Кострова побелела, но ответить не успела: тишину здания разорвал яростный вой сирены реанимобиля. Звук нарастал с такой силой, что задрожали стеклопакеты. Я сорвала белый халат с вешалки и выбежала к лифтам.

На первом этаже двери приемного покоя распахнулись от удара каталки Stryker. Двое фельдшеров медицины катастроф влетели в холл, толкая носилки вперед. На носилках метался мужчина лет сорока пяти в рабочей куртке. Его лицо было пепельно-серым, лоб блестел от липкого холодного пота, губы отливали мертвенной синевой, а из груди вырывались влажные клокочущие хрипы.

— Кардиогенный шок! — кричал фельдшер, сжимая мешок Амбу. — Острый трансмуральный инфаркт, окклюзия ствола левой коронарной артерии! За рулем фуры на кольцевой прихватило! Давление шестьдесят на тридцать, сатурация семьдесят два, отек легких! Городская не довезет, он умрет в пути! У вас единственный работающий ангиограф в округе!

Начальник охраны фонда попытался преградить путь, но я буквально выдернула носилки из-под его руки:

— В первый рентген-зал! На третий этаж! Лифт на ручное управление! Я беру пациента под личную ответственность!

На третьем этаже перед ярко-красной демаркационной чертой санпропускника нам преградил путь заведующий отделением РХМДЛ Богдан Северский. Высокий, широкоплечий, в графитовом хирургическом костюме и свинцовом фартуке, он смерил меня ледяным взглядом:

— Стоять. За красную черту в уличной одежде нельзя никому. Кабинетным чиновникам здесь не место. Кто позволил подавать шокового больного без согласования со мной?

— Перед вами врач-кардиолог и интервенционный хирург, доктор, — я скинула туфли у порога, шагнула в бахилы и достала удостоверение врача. — Пациент Михаил Седов, сорок пять лет. Ствол закрывается прямо сейчас. Вы оперируете или мне самой встать к столу?

Северский смерил меня долгим оценивающим взглядом. Его губы искривила едкая усмешка:

— Смелая девочка. Посмотрим, не вывернет ли вас при первой фибрилляции. Мойтесь. Если не боитесь запаха горелой плоти.

В шлюзовой предоперационной вода с гулом хлестала из смесителей. Запах хлоргексидина и мыла ударил в ноздри, возвращая забытое чувство хирургической мобилизации. Мы яростно намыливали предплечья жесткими щетками.

— Ваш отец врал нам полгода, — глухо бросил Богдан сквозь шум воды. — Брал кредиты Воропаева под залог патентов на наши клапаны. Теперь его разбил инсульт, а нам оставил пепелище. Вы приехали распродать клинику подороже?

Боль за отца обожгла горло, но я не отвела взгляда:

— Отец брал деньги три года назад, чтобы выкупить ваше отделение из-под списания, когда вас хотели закрыть за перерасход квот! А инсульт случился в кабинете Воропаева, когда тот требовал закрыть детскую кардиохирургию. Я здесь не продавать, Северский, а переломать Воропаеву зубы. Локти вверх, доктор, нас ждет больной!

Северский замер, желваки на его челюсти напряглись. В этот миг в шлюз вбежала старшая медсестра Полина Власова:

— Богдан Алексеевич! Охрана фонда вместе с Костровой полчаса назад опечатала расходную комнату! Шкафы со стендами и микропроводами заклеены пломбами аудита!

— Что?! — рявкнул Северский. — У меня больной на столе!

Я выскочила в коридор, сорвала с противопожарного щита аварийный молоток со стальным бойком и с размаху ударила по армированному стеклу шкафа резерва. Звон разбитого стекла огласил этаж, осколки брызнули под ноги.

— Статья тридцать девятая УК РФ — крайняя необходимость! Вся ответственность на мне! — выкрикнула я, распахивая дверцу к встроенному сейфу Promet.

Его биометрический сенсор мигал красным, требуя отпечаток основателя клиники.

— Сейф закодирован на Андрея Петровича! Мы не откроем его! — крикнул Богдан.

— Откроем, — пальцы быстро легли на клавиатуру аварийного ввода. — Ноль четыре... одиннадцать... девяносто восемь. Дата первой совместной операции отца и мамы в Бакулева.

Я прижала палец к сканеру родственного допуска. Ригели тихо щелкнули, дверца отошла. На полке в прозрачном боксе лежал сертифицированный кобальт-хромовый стент Xience Sierra 2.75x28 мм с эверолимусом. Рядом покоились экспериментальные магниевые скаффолды Magmaris — неприкосновенный резерв лаборатории.

— Он вбил твой профиль в систему допуска?.. Знал, что вернешься, — выдохнул Богдан.

— Хватит лирики. До необратимого некроза миокарда четыре минуты. За стол!

* * *

Едва стент оказался в руках Полины, на стене вспыхнул оранжевый индикатор тревоги: ангиографическая система Siemens Artis zee в первом рентген-зале выдала ошибку синхронизации сервоприводов С-дуги, а по центральной кислородной магистрали упало давление.

— Серверная глушит каналы! — крикнул анестезиолог Марк Гуревич из шлюза. — Давление газов падает, аппаратура виснет!

— Богдан, начинайте сосудистый доступ через правую лучевую артерию, я разберусь с узлами за три минуты! — крикнула я, перехватывая ключ-допуск от технических помещений.

Я помчалась по пожарной лестнице в цокольный этаж. В коридоре путь к диспетчерской перекрыл начальник службы безопасности фонда ЧОП «Титан» Рябов, положив руку на кобуру:

— Вход закрыт, гражданка Лазарева. Идет ревизия оборудования. Распоряжение Воропаева.

— Вы находитесь на территории стационара при проведении реанимации, — я поднесла смартфон с включенной камерой и удостоверением эксперта Росздравнадзора к его лицу. — Ведется видеофиксация преступления по статье двести пятнадцать точка один УК РФ — приведение в негодность объектов жизнеобеспечения с угрозой гибели человека. Запись транслируется дежурному прокурору. Если не отойдете через три секунды, пойдете под суд как соучастник умышленного убийства. Шаг назад!

Рябов сглотнул и молча сделал шаг в сторону.

Я толкнула бронированную дверь. В серверной стоял гул кондиционеров и мерцали огни стоек Supermicro. За терминалом сидел наемный сисадмин фонда Ковалев, лихорадочно колотя по клавишам: на мониторе бежали строки терминала Linux — выполнялся скрипт остановки драйвера инжектора контраста Medrad Avanta. Они хотели отключить подачу контраста прямо во время коронарографии!

Я подскочила к распределительному коммутатору Cisco и одним рывком выдернула синий патч-корд локального сетевого шлюза. Строки терминала захлебнулись ошибкой таймаута.

— Вон отсюда, пока я не оформила конвой! — отрезала я. Ковалев пулей вылетел за дверь.

Сев за консоль, я открыла архив PACS. Нужны были точные КТ-сканы коронаров Седова: без них Северский пойдет вслепую и распорет артерию. Но база требовала 256-битный PGP-ключ, заблокированный Костровой.

Папа создал запасной шлюз через Военно-медицинскую академию. Я ввела в строку адрес удаленного кластера кафедры кардиологии ВМА и свой студенческий логин ординатора. Система замерла на миг... и зажглась зеленым окном доступа. Через сорок секунд трехмерная реконструкция коронарного дерева Седова была отправлена на монитор рентген-зала. На

экране проступила анатомия катастрофы: окклюзия устья ПМЖВ на 99% и спиральный разворот артерии под сорок пять градусов вниз, замурованный в каменистый кальцинат!

В этот момент за перегородкой диспетчерской зашипел сброс давления.

Я выбежала к кислородной рампе. Главный инженер Григорий Иванович — Петрович — в промасленном комбинезоне с тревогой сжимал разводной ключ:

— Ксения Андреевна! Резервный клапан закис! Мембрана редуктора не поверялась три месяца, если сорвет под нагрузкой — разнесет узел, оперблок останется без кислорода! Я не имею права пускать газ без акта поверки!

— Петрович, слушай меня! — я выхватила из укладки калибровочный манометр и прижала к штуцеру. Цифровой дисплей показал стабильные 4.2 бара с тройным запасом прочности. — Давление в норме! Я оформляю распоряжение по ГОСТу экстренной полевой хирургии прямо сейчас под свою врачебную лицензию!

Несмываемым маркером прямо на латунном кожухе редуктора я размашисто вывела: *«Пуск разрешен по жизненным показаниям. Гендиректор Лазарева К.А. 19:42»*.

— Срывай вентиль, Петрович! Это приказ!

Петрович навалился тяжелым стальным ключом на закисший маховик. С металлическим хрустом сорвалась окалина, и по медным магистралям с мощным гулом устремился чистый кислород. Стрелка манометра на стене взлетела в зеленую зону.

Лифты стояли заблокированными пожарной тревогой. Сжимая распечатку КТ-сканирования, я взлетала по бетонным ступеням пожарной лестницы на третий этаж, перешагивая через две ступени. Легкие жгло, связки бедер ныли, но адреналин заглушал усталость.

На площадке оперблока я влетела в экспресс-лабораторию. Лаборантка в растерянности держала капилляр с темно-вишневой кровью:

— База висит, штрихкода нет...

— Плевать на базу! — я выхватила капилляр, вставила в картридж анализатора Radiometer и приложила свой директорский бейдж. Через пятнадцать секунд прибор выплюнул чек термобумаги.

Я глянула на цифры: лактат — 6.8 ммоль/л, рН — 7.18. Тяжелейший декомпенсированный ацидоз, миокард задыхается в огне ишемии. Счет шел на секунды. С чеком анализа в руке я влетела в шлюз операционной.

Глава

2

В операционной стоял тяжелый гул высоковольтных генераторов и резкий запах озона. На столе Михаил Седов судорожно хрипел под простынями. Монитор слежения чертил уродливые зубцы тахикардии с чудовищной элевацией сегмента ST.

— Давление сорок на ноль! — хрипел в микрофон Гуревич, не отрывая взгляда от монитора. — Сердце останавливается! Набираю дофамин!

— Отставить дофамин, Марк! — крикнула я, на ходу натягивая тяжелый свинцовый фартук и защитный воротник. Тяжесть брони привычно вдавила плечи, заставив выпрямить спину. — Посмотри на лактат — шесть и восемь! Миокард оглушен! Бета-стимуляция вызовет разрыв зоны некроза! Ставь болюс левосимендана и титруй норадреналин! Мы разгрузим левый желудочек и дадим Богдану время на проводник!

Гуревич мгновенно перенастроил инфузомат.

Северский уже установил интродьюсер в правую лучевую артерию и завел катетер Judkins Left в корень аорты. Его пальцы в темных перчатках работали с виртуозной точностью.

— Ксения, на консоль! Проекция Spider view! — бросил он, не поворачивая головы.

Я встала за свинцовое стекло пульта, положив пальцы на джойстики С-дуги:

— Даю проекцию LAO Cranial тридцать на тридцать!

Дуга бесшумно повернулась над грудью пациента.

— Контраст! — скомандовал Богдан.

Полина нажала педаль. На мониторе темной вспышкой проявился ствол левой коронарной артерии, обрывающийся культей. Тотальная окклюзия передней межжелудочковой артерии.

Богдан повел коронарный проводник 0.014 дюйма. Серебристая нить подошла к окклюзии и согнулась дугой, упершись в кальцинированный вал. Кончик опасно соскользнул в стенку сосуда, выпячивая наружный контур.

— Там монолит, — сквозь зубы выдохнул Богдан. — Нужен жесткий проводник Miracle! Двенадцатый Miracle на стол!

— Стой, Богдан! — крикнула я в микрофон интеркома. — Miracle пробьет артерию! На КТ за кальцием идет спиральный разворот русла на сорок пять градусов вниз! Возьми Fielder XT с полимерным кончиком, изогни кончик формирующей иглой ровно на шестьдесят градусов на один миллиметр и обойди кальций по малой кривизне!

Северский замер на долю секунды. Его глаза над маской сузились, встретившись с моим взглядом через свинцовое стекло. Он отбросил жесткий проводник:

— Fielder XT! Иглу!

Его пальцы ювелирно сформировали кончик микропровода. Секунда — и нить вошла в просвет катетера. На экране Вагсо сверхвысокой четкости было видно, как эластичный полимерный кончик нащупал микроскопическую щель, мягко проскользнул сквозь тромботические массы и вышел в свободное дистальное русло.

— Прошел окклюзию! — выдохнул Гуревич.

Но в тот же миг звуковой сигнал монитора сорвался в сплошной, пронзительный вой. Кривая ЭКГ рассыпалась хаотичным частоколом фибрилляции желудочков.

— Фибрилляция! — заорал Гуревич. — Остановка кровообращения! Давление ноль!

Клиническая смерть. Секундомер отсчитывал секунды шестой минуты.

— Непрямой массаж сдвинет катетер и срежет ствол! — рявкнул Богдан. — Ксения — дефибриллятор!

Я выскочила из пультовой, сорвав стерильные рукоятки дефибрилятора Zoll:

— Всем от стола! Разряд двести джоулей!

Я вдавила металлические электроды в правую подключичную область и верхушку сердца Михаила, навалившись всем весом:

— Разряд!

Глухой удар тока подбросил тело мужчины на простынях. Но на мониторе по-прежнему бесновалась мелковолновая фибрилляция.

— Триста шестьдесят! Повторный набор!

Прибор взвыл, набирая мощность... и вдруг щелкнул, выбросив на дисплей кроваво-красную строчку: «Error 08: Charge Fault». Конденсатор сбросил заряд из-за перепада напряжения в сети!

Двадцати секунд на перезагрузку аппарата не было. Седов уходил в небытие.

В голове вспыхнул голос отца: «Если техника предаст тебя, Ксения, у тебя остаются твои руки и физика».

Я отбросила электроды, сжала правый кулак и с высоты двадцати сантиметров нанесла выверенный прекордиальный удар основанием кулака точно по нижней трети грудины. Металлический каркас операционного стола загудел от отдачи.

В операционной повисла леденящая тишина. Изолиния натянулась струной... и вдруг плавно изогнулась вверх. Зубец Р. За ним — высокий, острый, победный зубец R!

Пик... Пик... Пик...

— Есть ритм! — сорвал голос Гуревич. — Синусовый! Пульс пятьдесят два, давление семьдесят на сорок!

Богдан тяжело выдохнул, смахивая пот со лба:

— Ты сумасшедшая, Лазарева... Полина, стент Xience Sierra! Быстро!

Я не вернулась в пультовую, а встала вплотную к столу рядом с Северским. Свинцовые фартуки глухо соприкоснулись.

— Я держу катетер, ты крутишь инфлятор, — скомандовал Богдан, заводя стент по проводнику в зону окклюзии. — Раскрываем на четырнадцать атмосферах.

Я взяла в руки шприц-индефлятор с манометром:

— Две атмосферы... четыре... восемь... Баллон раскрывается симметрично! Двенадцать! Внезапно артерия на выходе из стента сжалась в тонкую нить.

— Спазм! — крикнул Богдан. — Коронарный вазоспазм на растяжение, сейчас закроется дистальное русло!

Не выпуская инфлятора, правой рукой я дотянулась до бокового порта катетера и ввела раствор нитроглицерина с верапамилом прямо в русло артерии. Спазм отпустил, сосуд расслабился.

— Четырнадцать атмосфер! — выдохнула я. — Полная экспозиция! Сброс вакуума!

Баллон сдулся и был извлечен. Богдан нажал педаль контраста.

На трех мониторах Вагсо ослепительной рубиновой кроной расцвело полноценное сосудистое дерево передней нисходящей артерии. Контраст мощным ламинарным потоком заполнил капилляры. Кровоток TIMI-3. Сердце Михаила Седова сокращалось ровно и мощно. На мониторе давления горели победные цифры: 115 на 75 миллиметров ртутного столба.

Время от въезда каталки до раскрытия стента составило двадцать восемь минут. Рекорд клиники.

Гуревич опустил на табурет, шумно стягивая маску. Медсестра Полина всхлипнула от облегчения. А Богдан Северский медленно повернулся ко мне, срывая перчатку. Его серые глаза горели темным, неистовым огнем:

— С возвращением в профессию, Ксения Андреевна.

* * *

В шлюзовой адреналиновая буря пошла на спад, сменившись свинцовой волной физического истощения. Я подошла к стойке и попыталась расстегнуть липучки свинцового фартука, но онемевшие пальцы соскальзывали, мелкая дрожь сотрясала кисти, а колени предательски подгибались. Тяжелый свинцовый фартук тянул к полу, перед глазами поплыли серые круги.

Горячие, сильные ладони легли мне на плечи сзади, уверенно перехватив вес брони.

— Не дергайся, — низкий голос Северского прозвучал у самого уха. От него пахло кофе, антисептиком и мужским теплом. Он расстегнул крепления, снял фартук и повесил его на кронштейн. На секунду его пальцы задержались на моем плече сквозь влажную блузку.

— Руки трясутся? — спросил он, заглядывая мне в лицо.

— Остаточная вибрация от инфлятора, — попыталась улыбнуться я, пряча дрожащие ладони.

— Ты отработала на двести процентов, Лазарева. Прекордиальный удар кулаком при отказе аппарата — это высший пилотаж.

— Отец учил: если у врача есть секунда на сомнения, он уже опоздал.

Когда мы вышли в коридор отделения, навстречу нам от скамеек бросилась женщина в застиранной брезентовой куртке, сжимая платочек и потертый термос:

— Доктора... Христа ради... Скажите правду... Миша жив?!

Я шагнула к ней и обняла за вздрагивающие плечи:

— Жив. Артерия полностью открыта, мы поставили стент Xience Sierra. Сердце бьется само, давление в норме. Сейчас он спит в реанимации, а утром вы сможете с ним поговорить. Женщина осела бы на линолеум, если бы мы с Богданом не подхватили ее с двух сторон.

— Господи... Живой... — она плакала навзрыд, прижимаясь к моему халату мокрым лицом. — У нас трое деток в Рязани ждут... Спасибо вам, родные мои!

Ради таких секунд и стоит надевать белый халат. Никакие миллионы Воропаева не стоили этой выплаканной благодарности.

Однако в холле перед лифтами уже раздался тяжелый топот ботинок. Двери распахнулись, и в коридор шагнул Игорь Воропаев в сопровождении капитана полиции с планшеткой и бледной Инны Костровой.

— Вот она! — торжествующе указал на меня Воропаев. — Капитан, фиксируйте состав преступления! Гражданка Лазарева взломала опечатанный склад и похитила залоговый стент стоимостью шестьсот тысяч рублей! Статьи триста тридцатая и сто шестьдесят пятая — самоуправство и ущерб! Требую изъять записи и задержать нарушительницу!

Капитан достал бланк, но я положила поверх его планшетки синюю папку:

— Карта вызова скорой помощи номер четыреста двенадцать: диагноз «кардиогенный шок, клиническая смерть». Протокол экстренного консилиума по жизненным показаниям за подписями трех врачей. И статья тридцать девятая УК РФ — крайняя необходимость. Действия по спасению жизни не являются преступлением. Расходник списан по федеральной квоте ВМП, а не за счет фонда. А если господин Воропаев настаивает, прямо сейчас запись блокировки серверов и кислорода уйдет в Следственный комитет по статье двести пятнадцать — диверсия на объектах жизнеобеспечения. Срок до семи лет. Будем оформлять, капитан?

Офицер полиции захлопнул планшетку, с досадой взглянув на Воропаева:

— Игорь Вадимович, здесь спасали человека по экстренным показаниям. Состав нет. Разбирайтесь в арбитраже. Всего доброго.

Капитан зашагал к лестнице. Воропаев побагровел от бессильной ярости:

— Завтра в девять утра сюда придет внеплановая проверка лицензионного комитета Минздрава! Я лично добьюсь отзыва лицензии на ВМП за нарушения учета расходников! Вы вылетите на улицу!

Он развернулся и ушел.

Северский привел меня в свой кабинет. Откинув раму старинной гравюры Везалия, он достал из потайного сейфа стальную флешку:

— Здесь черная бухгалтерия Воропаева за два года. Завышение цен на стенты в три раза через однодневки и контракты Костровой на вывод инновационных расходников в «Эстетик-Премиум».

— Почему вы молчали, пока отца загоняли в угол?! — с горечью спросила я.

— Андрей Петрович сам запретил мне давать ход этим бумагам, — тихо ответил Богдан, садясь напротив. — Он знал, что Воропаев ударит по тебе в Москве — сфабрикует проверки в лаборатории, сломает карьеру. Он закрывал тебя собой до последнего дня.

Слезы обожгли глаза. Отец защищал меня ценой собственной жизни... Я сжала флешку в ладони, достала чистый бланк клиники и быстро написала приказ:

«О назначении Северского Б.А. медицинским директором "Кардио-Сити" с правом решающего вето по клиническим закупкам и субсидиарной ответственностью за распределение квот ВМП».

— Подписывай, — я подвинула лист. — Ты больше не наемный хирург, который может уехать в Цюрих. Теперь мы отвечаем за клинику вдвоем.

Богдан усмехнулся — открыто и тепло:

— Ну и язва ты, Лазарева. Отец был мягче.

Он размашисто расписался внизу.

В этот момент зазвонил мой телефон. Заместитель начальника департамента лицензирования Минздрава приторно сообщил:

— Ксения Андреевна, завтра в девять ноль-ноль у вас внеплановая проверка с приостановкой лицензии на ВМП. Рекомендую подготовить архив.

— Мы ждем вас, — спокойно ответила я. — Видеозапись сегодняшней операции, завершённой за двадцать восемь минут после поступления пациента, уже отправлена председателю Кардиохирургического общества академику Белову как заявка на клинический прорыв года. Завтра сюжет выйдет в утренних вестях. Приезжайте, оцените работу спасенного сердца.

В трубке растерянно пискнули короткие гудки.

Мы поднялись на смотровую площадку шестого этажа. Ледяной осенний ветер трепал волосы. Далеко внизу золотыми реками огней текла ночная Москва. Богдан протянул мне бумажный стаканчик с чаем:

— Держи. Чай с чабрецом от жены Седова.

Я грела пальцы о картон, вдыхая пряный травяной пар. Богдан встал рядом у перил, закрывая меня широким плечом от резких порывов ветра. Мы стояли в полушаге друг от друга, и я чувствовала исходящее от него спокойное, надежное тепло.

— Он выкарабкается, Ксения, — негромко сказал он. — У твоего отца твой характер. А мы пока удержим клинику.

— Мы? Вы уже не стремитесь в Цюрих, доктор Северский?

— В Цюрихе скучно, — в его глазах блеснула искра. — Там нет директоров, которые бьют фибрилляцию кулаком и взламывают сейфы ради пациента.

Я улыбнулась. Напряжение дней отпустило.

Вдруг в кармане халата требовательно запищал селектор. Я нажала кнопку связи:

— Лазарева слушает.

— Ксения Андреевна! — раздался задыхающийся голос дежурного врача ОРИТ. — Седов! На мониторе быстро растет глубокий отрицательный зубец Т во втором и третьем отведениях! Подострый тромбоз стента!

Мы с Богданом одновременно сорвались с места, бросившись к дверям лестницы. Впереди была долгая бессонная ночь.

Глава

3

В палате реанимации стоял специфический полумрак, рассекаемый лишь изумрудным свечением мониторов Mindray и мерным, убаюкивающим шелестом инфузоматов. Часы на стене показывали два часа ночи. На функциональной кровати лежал Михаил Седов. После перенесенного трансмурального инфаркта и стентирования ствола левой коронарной артерии кобальт-хромовым стентом Xience Sierra он находился под медикаментозной седацией, но на электрокардиографической кривой во втором и третьем стандартных отведениях продолжала нарастать подозрительная инверсия зубца Т.

Дежурный реаниматолог Заславский, ссутулившись на стуле у сестринского поста, лениво потирал слипающиеся глаза.

— Ксения Андреевна, вы напрасно требуете брать кровь на коагулограмму каждый час, — проворчал он, зевая. — Отрицательный зубец Т — это классический синдром реперфузии после открытия крупного сосуда. Зачем каждые шестьдесят минут колоть вену? Мы только насажаем гематом на гепарине. Регламент предписывает контроль раз в четыре часа.

— В этой палате стандартные регламенты спят, доктор Заславский, — я подошла к кровати, натянув смотровые перчатки. — Посмотрите на микроколебания сегмента ST на мониторе высокого разрешения. Гепарин не держит гемостаз: кровь у постели свернулась за три минуты вместо семи. Если стент Xience Sierra закроется тромбом на фоне нашей беспечности, больного мы уже не вернем. Подключайте экспресс-анализатор VerifyNow. Анализ на реактивность тромбоцитов я заберу сама.

Заславский торопливо поднялся, смущенный ледяной категоричностью моего тона.

От кондиционера реанимации тянуло холодом, мелкая дрожь пробирала плечи сквозь тонкую ткань хирургического костюма. Внезапно на мои плечи опустилось тяжелое, пахнущее можжевельником и стерильным хлопком тепло.

Богдан Северский бесшумно подошел сзади и набросил на меня свой темно-синий шерстяной свитер крупной вязки. Опустившись рядом на корточки, он поставил на прикроватную тумбу стальной термос и протянул мне дымящуюся кружку:

— Пей, Лазарева. Горячий куриный бульон. Если генеральный директор свалится в голодный обморок прямо на монитор, спасти клинику будет некому. Это официальное предписание медицинского директора.

Его загрубевшие пальцы хирурга на мгновение коснулись моей шеи, поправляя шерстяной ворот. В груди сладко екнуло, сбив дыхание.

— Вы злоупотребляете полномочиями, Богдан Алексеевич, — прошептала я, обхватив горячую чашку пальцами.

— Я забочусь об основном капитале института, — усмехнулся он в полумраке. — Ты упряма точно как твой отец. Тот тоже мог оперировать сутки на одном сладком чае, пока ноги не отнимались.

Внезапно шприцевой дозатор V.Braun на инфузионной стойке издал резкий визгливый сигнал тревоги: «*Error: Line Occlusion*». Давление Седова на экране подскочило со 110 до 160 на 100.

— Перегиб линии нитроглицерина! — я мгновенно отставила бульон. Пациент во сне непроизвольно подвернул кисть, сдавив тонкую пластиковую трубку. — Держи руку, Богдан! Фиксируем лучезапястный сустав лонгетой. Xience Sierra встал всего несколько часов назад, скачок давления опасен диссекцией краев!

Северский бережно, но железно зафиксировал руку дальнобойщика, пока я расправляла систему и прокачивала болюс вручную. Давление плавно вернулось к безопасным 115 миллиметрам ртутного столба.

Оставив Заславского у постели, мы вышли на сестринский пост. Дежурная медсестра Катя при нашем появлении испуганно спрятала под стойку синюю папку.

— Катя, покажите журнал учета группы «А», — спокойно потребовала я.

— Ксения Андреевна... Инна Сергеевна Кострова вчера лично изъяла накладные на магниево-скаффолды Magmaris, — едва слышно пролепетала девушка. — Велела подписать акт списания как бракованных. Сказала, что в понедельник их заберет курьер фонда Воропаева для передачи в «Эстетик-Премиум».

Я открыла дубликат ведомости: Кострова пыталась украсть два инновационных биорезорбируемых детских скаффолда стоимостью почти миллион рублей.

— Ни один стент из клиники не уйдет. Изъятие отменено моим приказом, — отрезала я и жестом позвала Богдана в ординаторскую.

В пустой ординаторской горел лишь негатоскоп. Богдан щелкнул тумблером, и на матовом экране проступили контрастные снимки сложнейшей бифуркации ствола левой коронарной артерии Седова.

— Смотри на анатомию, Ксения, — тихо произнес Северский, встав за моей спиной. — Истинное бифуркационное поражение Medina 1,1,1. Я выполнил DK-crush — Double Kissing Crush. Сначала предимплантационное раздавливание первого стента в устье огибающей артерии, затем пошаговую проксимальную оптимизацию POT баллоном четыре миллиметра и финальный киссинг. Контрольный фракционный резерв кровотока FFR — ноль девяносто четыре. Идеальное русло.

— Чистейшая работа, — искренне выдохнула я, замороженно глядя на геометрию сосудистого дерева. — Отец гордился бы тобой. А меня он держал подальше от своей клиники, считая, что здесь я гожусь только для экономических смет.

Богдан покачал головой. Подойдя к сейфу, он достал пожелтевшую папку с чертежами и положил передо мной: «Проект детского кардиоцентра имени Елены Лазаревой». На титульном листе рукой отца фиолетовыми чернилами было размашисто выведено: «Для Ксюши».

— Он строил этот корпус для тебя, Ксения, — глухо сказал Богдан. — Назвал в честь твоей мамы. И в долги перед фондом залез, закупая детскую реанимацию высшего класса. Он не умел говорить нежных слов, но жил ради тебя.

Слезы обожгли ресницы. Пять лет я носила в себе глухую обиду на отца, думая, что он вычеркнул меня из профессии, а он все эти годы берег для меня главное дело своей жизни.

В этот момент анализатор VerifyNow на столе пискнул, выдав красный лог: «*PRU 285: High On-Treatment Platelet Reactivity*».

— Проклятье! — вскрикнула я, мгновенно забыв о слезах. — Норма меньше ста восьми-десяти! Стандартный плавикс у него вообще не работает! Генетическая мутация изофермента CYP2C19*2 — полная резистентность к клопидогрелу! Внутри стента прямо сейчас кристаллизуется фибрин!

— Нужен прямой блокатор рецепторов P2Y12, — мгновенно отозвался Богдан. — Брилинта!

— Растирай в ступке две таблетки по девяносто миллиграммов в пыль! — скомандовала я. — Вводим тикагрелор нагрузочной дозой сто восемьдесят через желудочный зонд!

Мы влетели в палату. Седов во сне начал метаться, рефлекторный спазм сжимал глотку. Богдан бережно придержал голову больного, а я скользящим движением провела тонкий силиконовый зонд по нижнему носовому ходу на акте глотания. Фонендоскоп на эпигастрии подтвердил четкий толчок воздуха. Через шприц Жане белая взвесь тикагрелора ушла в желудок.

Отсчет пошел. До начала действия препарата оставалось девяносто минут.

* * *

К четырем часам утра больница погрузилась в звенящую, хрустальную тишину. Коридор реанимационного блока тонул в синем аварийном свете. Я вышла из палаты, намереваясь дойти до ординаторской, но ноги внезапно стали ватными. Острая пульсирующая боль прострелила затылок, в глазах поплыли радужные круги, пол под ногами опасно накренился.

Я потянулась к металлическому поручню на стене, но онемевшие пальцы соскользнули со стали.

Сильные руки подхватили меня под локти в сантиметре от пола. Богдан прижал меня к своей груди, удерживая от падения:

— Тише, Лазарева. Я держу. Вдохни глубоко.

Его сердце билось тяжело и ровно прямо под моим ухом. Запах можжевельника, кофе и сухого тепла окутал меня, смывая нарастающую панику.

— Голова... просто закружилась, — пробормотала я, пытаюсь высвободиться, но он не разжал объятий, увлекая меня в ординаторскую и усаживая на кожаный диван.

— Сиди смирно, — скомандовал он.

Встав сзади, Богдан положил свои широкие горячие ладони мне на основание шеи. Я невольно вздрогнула и попыталась отстраниться:

— Северский, прекратите. Это нарушение субординации.

— Помолчи минуту, Ксения. У тебя каменные трапециевидные мышцы и спазм затылочных нервов после бессонной ночи и работы в свинцовом фартуке.

Его сильные пальцы мягко и безошибочно нажали на триггерные точки у основания черепа. Боль обожгла затылок и вдруг растаяла, уступив место пьянящей, горячей волне расслабления. Мое тело предательски обмякло, голова откинулась назад, коснувшись его груди. Тихий вздох облегчения сорвался с моих губ. Пальцы Богдана замерли в моих распущенных волосах, став удивительно нежными.

— Этому приему меня научил Андрей Петрович в девятом году, — негромко произнес он над моим ухом. — Я тогда чуть не отключился после пятичасового шунтирования. Он сказал: береги руки и шею, сынок, они чужие жизни держат. Закрой глаза, Ксюша. Подыши.

— О тебе говорят, что ты женат на операционной, — прошептала я, чувствуя его размеренное дыхание у своего виска. — Кого ты потерял, Богдан?

Его пальцы на секунду напряглись. Повисла тишина, нарушаемая лишь гулом вентиляции.

— Восемь лет назад. Ее звали Марина, — глухо заговорил он. — Острое расслоение восходящей аорты. Мы были в райцентре. Районный начмед три часа согласовывал платную скорую помощь для перевода в область, вымогал деньги. Она умерла у меня на руках на больничной кушетке. Андрей Петрович тогда буквально вытащил меня из петли. Он привез меня сюда и сказал: «Хочешь отомстить смерти — встань к столу и режь ее каждый день». Поэтому я зубами вцеплюсь в эту клинику. Я не позволю торгашам убивать здесь людей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.